

ЭТНОИСТОРИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ РУССКОГО НАСЕЛЕНИЯ БАШКОРТОСТАНА: ПРОБЛЕМЫ ИНТЕРПРЕТАЦИИ

Щербаков А.С.

ФГБОУ ВПО «Северо-Западный институт Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ», 199178, г. Санкт-Петербург, Средний проспект Васильевского острова, 57, e-mail: as19792004@mail.ru

В статье рассматриваются особенности формирования и этноисторического развития русского населения Башкортостана с учетом различной интерпретации статистических источников. Автор рассматривает современное состояние науки по данной проблеме и обращает особое внимание на поиск отечественными исследователями методологических приемов, адекватных сложности изучаемых явлений. В статье показан процесс трансформации национальной идентичности нерусских народов Башкирии, принявших православие (мордва), и адептов ислама (башкиры). Автором установлена зависимость между уровнем территориальной мобильности коренного населения Башкирии и процессом трансформации национальной идентичности. Особое внимание обращается на христианизацию нерусских народов Башкирии и смешанные браки, как факторы утраты национальной идентичности.

Ключевые слова: русские, Башкортостан, идентичность, этничность.

ETHNOHISTORICAL DEVELOPMENT OF RUSSIAN POPULATION BASHKORTOSTAN: PROBLEMS OF INTERPRETATION

Shcherbakov A.S.

The North-West Institute, Russian Academy of National Economy and Public Service at the RF President, 199178, Saint-Petersburg, Russia, Sredny prospect 57/43, V.O, e-mail:as19792004@mail.ru

This article discusses features of the formation and development of Russian ethno-historical population of Bashkortostan in the light of various interpretations of statistical sources. The author considers the current state of science on the issue and pays particular attention to the search for domestic researchers methodological techniques that are adequate to the complexity of the phenomena. The article describes the transformation of the national identity of non-Russian peoples of Bashkortostan, converts to Orthodoxy (Mordovians) and adherents of Islam (Bashkiria). The author of a relationship between the level of spatial mobility of the indigenous population of Bashkortostan and the process of transformation of national identity. Particular attention is drawn to the christianization of the non-Russian peoples of Bashkortostan and intermarriage, as factors in the loss of national identity.

Keywords: Russian, Bashkortostan, identity, and ethnicity.

Русское население Башкортостана начало формироваться в середине второго тысячелетия нашей эры. Вопрос о проникновении русского населения в Башкирию до начала официального вхождения края в состав России (XVI в.), затрагивавшийся некоторыми исследователями [12], пока не находит подтверждения в известных на сегодняшний день нарративных источниках, хотя это вполне допустимо с учетом наших знаний об основных направлениях миграции восточных славян в Волго-Уральскую историко-этнографическую область.

Исходя из долго господствовавшей в отечественной науке примордиалистской версии этнических процессов, почти все авторы, в той или иной мере касавшиеся вопросов демографии населения (и не только русского), полагали, что имеющиеся в источниках цифры описывают численность устойчивых «этнических» групп, которые могут сокращаться или увеличиваться количественно, но не меняться качественно. Эти вопросы

затрагивались в исследованиях Р.Г. Кузеева [2]. Публикация Дм. Горенбурга стала одной из первых попыток применить разработанные в западной историографии методы к Урало-Поволжью [1]. Позднее эти явления также рассматривались в работах Ч. Стейндевела [10].

Имеющийся материал свидетельствует, что проанализированные этими авторами процессы существовали не только в татарско-башкирской среде, а имели место и у русского населения, но именно у последнего они не проводились. В частности, в работе Ю.М. Тарасова [11] статистический материал используется без попыток его критического осмысления. Вопрос о том, что представляли собой тогдашние русские, им даже не ставится – вероятно, автор полагал, что группа, обозначаемая в источниках XVIII–XIX вв. под этим именем, ничем не отличалась от тех, кого называют русскими сегодня. В итоге анализ демографии «русского населения Южного Урала» был сведен им к простым арифметическим подсчетам.

Разумеется, огульно обвинять исследователей в игнорировании указанной проблемы нельзя. Трудность ее изучения заключается в том, что, во-первых, имеющиеся источники по ней фрагментарны, во-вторых, необходимая информация скрыта и требует специальных подходов для ее извлечения, в-третьих, следует учитывать значительное влияние научной традиции, привычных представлений, которые господствуют в общественном сознании на протяжении длительного времени, а также политических факторов, определявших особенности как общегосударственной, так и регионально-республиканской идеологии.

Однако имеющийся в распоряжении исследователя ретроспективный материал позволяет сделать следующий вывод: нынешняя конфигурация государствообразующего этноса страны складывалась под воздействием административно-политических факторов, аналогичных тем, что влияли на динамику идентичности нерусских соседей (в случае Южного Урала – башкир). Политика конструирования имперским, а затем и советским правительством идентичностей в южноуральском регионе являлась частью грандиозной многовековой, зачастую не осознаваемой самими ее вершителями стратегии изобретения русской этничности как стержня, на котором покоился весь механизм российской государственности. Исследование этой проблемы во всей ее полноте – тема отдельной работы.

Изучение механизмов функционирования такого явления, как коллективная идентичность русских, во-первых, позволит получить более точное представление о них как социокультурной, этнополитической общности, во-вторых, углубит понимание некоторых аспектов этнических процессов у нерусских народов, внесет коррективы в объяснение ряда явлений, связанных с их демографией, и, наконец, даст возможность сделать определенные теоретические обобщения.

Процесс изменений идентичности, в котором принимало участие русское население региона, можно подразделить на два этапа. На первом, который начался вскоре после присоединения территории региона к России, а точнее, после начала заселения его первыми группами русских колонистов, наблюдалась тенденция перехода некоторой их части в состав башкир [7]. Переселение в регион русского населения проходило постепенно и медленно, до начала XVIII в. этот процесс не носил, насколько можно полагать по имеющимся источникам и исходя из логики развития локального исторического процесса, массового характера [11, с. 40]. Большинство первых русских жителей длительное время не обладало привилегиями, уже имевшимися к тому времени у местного населения края – башкир. Здесь не место подробно останавливаться на тех льготах, главным образом в земельном вопросе, которые правительство ввело для давних обитателей рассматриваемой территории после включения их территории в состав Русского государства – эта тема хорошо изучена в историографии. Для нас важно другое – влияла ли разница в статусе русского и нерусского населения на конфигурацию «русской этнической группы» в Башкирии и в чем это выражалось. Наиболее ранние источники по этому поводу, относящиеся к XVIII в., т.е. к периоду начала массового заселения региона русскими колонистами, свидетельствуют, что «русских немалое число от подушных податей беглецов в башкиры перешло» [9, с. 95].

На втором этапе, примерно с середины XVIII в. – после начала массового заселения региона русскими – наблюдается противоположная картина. Процесс перехода русских в «башкиры» либо прекращается, либо сводится к минимуму, и начинается интеграция в состав русских автохтонных этнических групп Среднего Поволжья и Южного Урала, продолжающаяся до сих пор, о чем свидетельствуют результаты соответствующих исследований. Этот процесс поглощения русскими местных культур сопровождался незначительными (опять же в основном благодаря смешанным бракам) идентификационными потерями колонистов, которые в расчет можно не принимать.

Несмотря на схожесть векторов формирования на Южном Урале башкирской и русской этнических групп в их современном виде, сами механизмы этих процессов различались. Если Российское государство осуществляло конструирование «башкир» с помощью земельных и социальных преференций, то его основным инструментом по созданию «русских» на рассматриваемой территории была религиозная политика. В дореволюционный период она являлась очень мощным инструментом управления групповой идентичностью [3, с. 185]. Конечно, конфессиональная идентичность не являлась синонимом проэтнической идентичности, но вплоть до примерно середины XIX в. православие было в Российской империи не только государственной религией, но и мощным

источником этнокультурного формирования «русских» и той структурой, которая консолидировала «русскую» идентичность.

Политика христианизации (мирным или насильственным путем) конца XVII – 1780-х гг. привела к крещению части мордвы, марийцев, чувашей, удмуртов, закамских татар [3, с. 186-188]. Ко второй половине XIX в. тюркское и финно-угорское население Урало-Поволжского региона разделялось на православных христиан (мордва, марийцы, удмурты, чувашаи, татары-кряшены и нагайбаки) и мусульман (татары, башкиры) [3, с. 189]. В этой связи исключительно важное значение для анализа этнической истории русских приобретает проблема соотношения религиозного и этнического самосознания. Р.Г. Кузеев, коснувшийся этого вопроса в своем труде «Народы Среднего Поволжья и Южного Урала: этногенетический взгляд на историю», отметил, с одной стороны, неглубокое проникновение христианства в культуру местных нерусских народов, а с другой – указал на то, что «христианизация значительной части населения историко-этнографической области стала заметным этапом в процессе культурной интеграции христианизированных народов в Российское государство» [3, с. 190].

Какую реальность отражают данные различного рода переписей и насколько точно они фиксируют культурные явления? Без ответа на этот вопрос нельзя понять степень объективности всякого этнодемографического исследования и всякого использования этностатистической информации при описании динамики тех или иных «этнических» общностей. В этой связи еще раз вернемся к тому, о чем уже говорилось выше – о перемене идентичности отдельных групп автохтонного населения на «русскую».

Индивидуумы или группы, вдруг превратившиеся в силу разных причин в «русских», становились таковыми при составлении статистических сводок, проведении ревизий/переписей, полевых и прочих исследований. Но можно ли полагать, что перемена идентичности с аборигенной на русскую происходила (и происходила ли вообще?) синхронно с остальными качественными отличительными этническими признаками, с забвением коллективной памяти о происхождении, утратой комплекса собственной обрядовой культуры и т.д.?

Принятие православия (неважно, насильственным или мирным путем) открывало для нерусских этносов широкие возможности для интеграции не только в состав Российского государства, но и в состав русского народа, снимало целый ряд препятствий для массового распространения смешанных браков с русскими и позволяло изменять свою идентичность на русскую. До 1917 г. значение религии в этих процессах было исключительно велико. Как отмечает А.И. Миллер, «власти и русский национализм не только не видели ничего дурного

в смешанных браках, но воспринимали такое этническое смешение как неотъемлемую часть процесса формирования русской нации» [7, с. 342].

Наибольшему воздействию со стороны православия в досоветское время подверглись этносы, которые дольше других придерживались языческих верований: мордва, марийцы, чуваша, удмурты. Принятие ими христианства инициировало у части их процессы идентификационных изменений, которые в XX в. приняли ассимиляционные формы [4]. Надо сказать, что глубокое межэтническое взаимодействие восточных славян с финно-угорскими племенами началось еще во времена раннего средневековья, никогда не прерывалось и в целом носило характер интеграции с последующей ассимиляцией [7, с. 166].

Одним из наиболее ассимилируемых русскими финно-угорских народов является мордва. Формирование этнотерриториальной группы мордвы Башкортостана или приуральской мордвы [3, с. 259] происходило в основном во второй половине XVIII – начале XX вв. (причем наиболее интенсивно – со второй половины XIX в.) Для объяснения причин изменения численности мордвы в данном случае следует анализировать статистическую информацию по хозяйственно-культурным типам населения. Предложенная в свое время Н.Н. Чебоксаровым и М.Г. Левиным [5], эта теория получила своеобразное развитие в разработках Л.В. Милова [8]. Если исходить из такого подхода, то можно допустить, что находящиеся веками в тесном взаимодействии, занимающие территорию с одним типом хозяйства, с одинаковыми природно-климатическими условиями, имеющие общее происхождение и объединенные единой религией, этнокультурные группы должны обладать и примерно одинаковыми демографическими показателями. В таком случае локальные различия в характере демографических процессов будут объясняться не тем, что люди принадлежат к разным этническим группам, а тем, насколько разнятся их экономики, расселение и степень модернизации, каков уровень урбанизации.

На изменения идентичности влияет значительная степень урбанизации мордовского населения [6, с. 10-11]. Так, например, потомки жителей некогда мордовской Васильевки, переселившись в г. Сибай, в 3–4 поколениях начинают считать себя русскими [13, с. 143].

Таким образом, сокращение численности мордвы происходит не только за счет физического вымирания, но и за счет изменений идентичности преимущественно на русскую, чему способствовали длительные русско-мордовские контакты, конфессиональное единство двух этнических групп и сходство их традиционных экономик [4, с. 53-54].

Следует обратить внимание еще на одно обстоятельство. После вхождения земель Поволжья и Приуралья в состав Русского государства большинство местного населения попало в разряд государственных крестьян, а часть была превращена крепостных. Иными

словами, «в целом обязанности инородцев почти совпадали с обязанностями русских крестьян», т.е. социально-политическое положение и тех и других было примерно одинаковым [4, с. 57]. Русское правительство не предпринимало никаких усилий по политическому или экономическому обособлению финно-угров и не стремилось превратить их в сословие, как башкир. В силу того что, по мнению С. Лаллукка, финно-угры региона «были практически лишены политической организации и образованной элиты, они имели лишь слабое представление о своей этнической принадлежности, о том, что может быть названо полнокровным этническим самосознанием» [4, с. 343]. В итоге они нередко оказывались в составе башкирских припущенников – тептярей и бобылей или напрямую записывались в башкирское сословие [13, с. 6].

Перманентный, насчитывающий несколько веков «перелив» мордвы в состав русских способствовал, с одной стороны, идентификационному сокращению этого финно-угорского этноса, а с другой – увеличению численности русских. Количественно оценить этот процесс в точности не представляется возможным, но можно полагать, что интеграция части нерусских православных этносов в состав русской этнической группы была довольно заметной.

Но было бы неверно сводить динамику численности русских исследуемого региона только к одной проблеме – интеграции в него нерусского населения. Как свидетельствуют имеющиеся материалы, эволюция понятия «русский» шла по пути его сужения от «сословного» (т.е. «русского» в широком смысле) к узкоэтническому. К этому можно добавить, что с середины XIX в. в практической деятельности Российского государства на поприще формирования русско-православной идентичности происходят существенные изменения. В частности, в Поволжье и Приуралье рост влияния татарских элит и ислама заставили идеологов русского проекта национального строительства в регионе Н.И. Ильминского, В.В. Григорьева и их последователей перейти к тактике поддержки отдельных, особых этнических идентичностей народов Поволжья и Приуралья [7, с. 342]. Курс на фрагментацию инородческих идентичностей (который на новом уровне и иными средствами был продолжен большевиками после их прихода к власти) должен был привести если не к приостановке, то во всяком случае к замедлению процесса поглощения нерусских групп русскими. С начала XX в. получают распространение представления о русских в сугубо этническом, «узком», ключе [7, с. 346].

В целом русское население региона складывалось не только путем миграций и естественного прироста, как обычно считается, а еще и благодаря вливаниям в него значительных групп нерусских, преимущественно православных этнических групп, которое происходило на протяжении всей истории взаимодействия русских с местным населением на

этой территории. Но существующие на сегодняшний день исследовательские методики почти не позволяют уловить эти идентификационные перемены. Идентификационные изменения не отражаются в итоговых материалах переписей, они трудны для фиксации и требуют проведения выборочных этносоциологических и полевых этнографических исследований. Однако такая работа необходима, поскольку она позволит понять природу информации, собираемой в ходе массовых переписей и, возможно, более критически отнестись к цифрам, фигурирующим на страницах этнодемографических исследований.

Статья подготовлена при поддержке Федеральной целевой программы «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009-2013 гг. Соглашение № 14.А18.21.0052 от 12.07.2012 г.

Список литературы

1. Горенбург Д. Татары – башкиры снова татары: изменения этнической идентичности в Башкортостане // Вестник Евразии. – 2004. – № 1. – С. 65-77.
2. Кузеев Р.Г. Численность башкир и некоторые этнические процессы в Башкирии в XVI – XX вв. // Археология и этнография Башкирии. Т. 3. – Уфа, 1968. – С. 344-377.
3. Кузеев Р.Г. Народы Среднего Поволжья и Южного Урала: этногенетический взгляд на историю. – М., 1992. – 347 с.
4. Лаллука С. Восточно-финские народы России. – СПб., 1997. – 390 с.
5. Левин М.Г., Чебоксаров Н.Н. Хозяйственно-культурные типы и историко-этнографические области // Советская этнография. – 1955. – № 4. – С. 3-17.
6. Маннапов М.М. История Яковлевки: от хутора к селу. – Уфа, 2004. – 108 с.
7. Миллер А.И. Русский национализм в империи Романовых // Национализм в мировой истории / под ред В.А. Тишкова и В.А. Шнирельмана. – М., 2007. – С. 332-351.
8. Милов Л.В. Великорусский пахарь и особенности российского исторического процесса. – М., 1998. – 576 с.
9. Сафин Ф.Г. Этнополитическое развитие Башкортостана в XX в.: социолингвистический аспект. – Казань, 2004. – 543 с.
10. Стейндевел Ч. Племя, сословие или национальность? Изменения в характере башкирской обособленности в контексте Российской империи // Новая имперская история постсоветского пространства : сб. статей / под ред. И.В. Герасимова и др. – Казань, 2004. – С. 473-500.
11. Тарасов Ю.М. Русская крестьянская колонизация Южного Урала: вторая половина XVIII – первая половина XIX в. – М., 1984. – 175 с.
12. Усманов А.Н. Добровольное присоединение башкир к Русскому государству. – Уфа, 1982. – 336 с.

13. Щербаков А.С. Мордовское население Башкортостана: очерк современных этнических процессов. – Уфа : Восточный университет, 2005. – 218 с.

Рецензенты:

Шаповалов Владимир Анатольевич, доктор исторических наук, профессор кафедры российской истории НИУ «БелГУ», г. Белгород.

Мошкин Александр Николаевич, доктор исторических наук, профессор кафедры российской истории НИУ «БелГУ» г. Белгород.